

Алексей ДОКУЧАЕВ

ОБРАЗ ВОЙНЫ И ПРОТИВНИКА В ЛИСТОВКАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ: РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Аннотация

Статья посвящена анализу смыслового оправдания войны в русской религиозно-философской мысли и агитационных материалах периода Первой мировой войны. Источниковую базу исследования составляют философско-публицистические тексты С. Н. Булгакова, С. Л. Франка, письма Д. А. Хилкова, а также листовки из фондов Государственного архива Российской Федерации. Показано, что в массовой военной пропаганде философские и религиозные интерпретации войны переводились в систему более простых и мобилизационных образов: защиты веры и Отечества, исполнения воинского долга, противостояния несправедливости и разоблачения жестокости врага. На примере листовок 1911–1917 гг. раскрываются основные способы конструирования смысла войны и образа противника, включая обращение к православной традиции, исторической памяти, идее славянской солидарности и представлению о войне как нравственном испытании. Отдельное внимание уделяется проблеме дегуманизации врага как устойчивому элементу военной пропаганды. Автор приходит к выводу, что опыт Первой мировой войны сохраняет значение для анализа современных вооруженных конфликтов, поскольку позволяет выявить преемственность

ДОКУЧАЕВ Алексей Владимирович – кандидат культурологии, профессор кафедры культурологии Московского государственного института культуры, Москва, Россия, email: alexey_vld@mail.ru, SPIN-код: 2518-3619

Ключевые слова: первая мировая война, листовка, пропаганда, философия войны, смысл вооруженных конфликтов, гуманизм

https://doi.org/10.48137/23116412_2026_2

механизмов легитимации войны и поставить вопрос о пределах политической этики, международно-правового регулирования и гуманистического отношения к противнику.

В русской философской и социально-политической мысли Первая мировая война вызвала страстную дискуссию, в которой отразилось отмеченное еще В. С. Соловьевым смещение различных вопросов в отношении войн – теоретического, исторического и лично нравственного или практического. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и войны 1914 года князь Дмитрий Александрович Хилков в своих письмах видит в смертельной опасности положение, где тварь становится перед лицом Творца. «И хотя для верующего смертельная опасность на войне вовсе не больше, чем в Глушкове, но дело в том, что почувствовать это всем существом, проникнуться этим – весьма трудно в мирное время» [1, с. 416].

С. Н. Булгаков в публичной лекции «Война и русское самосознание» (1915 г.) провозглашает различие в историческом восприятии войны как крушения комфорта, мещанской цивилизации и возможностью духовного возрождения Европы. «Откровение смерти» предстает в этом случае начальным условием воскресения. Речь не о том, чтобы призывать страдания и бедствия, а каким образом подготовить себя к достойному принятию ниспосланных испытаний. Истинное назначение России – явить собственную святость. Через ратный подвиг к подвигу христианской любви и веры.

С. Л. Франк («О поисках смысла войны», 1914 г.) отмечал, что принятие войны в русском обществе поставило трудную проблему ее идейного оправдания. «А именно, всякое оправдание войны, смысл которого сводится к тому, что сама *сущность* одной из борющихся сторон признается выражением абсолютного блага, а другой – выражением абсолютного зла, заранее должно быть признано ложным. В этом, думается нам, основной дефект той славянофильской концепции войны, которая развита преимущественно в речах С. Н. Булгакова и В. Ф. Эрна» [2, с. 195].

Перенесение философских трактовок в сферу обращения к массовому сознанию, с одной стороны усложняло рецепцию идей, с другой – требовало однозначной определенности, чтобы не ослабить политическую волю и волю к борьбе как таковую. Поэтому военная листовка как определенный идеологический жанр должна была воспроизводить смыслы, побуждающие к ясному пониманию и действию. Накануне 1914 года еще не пережитое впечатление от поражения в русско-японской войне наслаивалось на ожидание новых трагических испытаний, чьи контуры проявлялись все более отчетливо. В листовке «Война» (М. И. Новик), изданной в Одессе в 1911 году (Типография Л. Нитче) констатируется предчув-

ствии войны, слухи и разговоры о ней в деревнях и селах вызывают уныние, подавленность: «как будто война уже началась, и мы понесли поражение». Автор листовки пытается развеять тревожные слухи и напоминает о победах Петра I («Финляндцы помнят, как Петр Великий угостил их бывшего короля Карлушу, пришедшего в Россию с громом и молнией, а ушедшего в турецкую Бендеру с костылем»), освобождении Москвы от поляков, о подвиге защитников Троице-Сергиевой Лавры. Поражение в войне с Японией объясняется Божьей карой («В церквах у икон папиросы закуривали»). Японцы победили, пишет М. И. Новик, скорей по Божьей воле, а не собственной силою. Основной призыв листовки – служение государю и отечеству с молитвой Господней и предостережение от доверия к «иностранцам и инородцам». Большинство листовок военного времени начала XX века формируют сознание через обращение к нескольким фундаментальным представлениям:

- трансцендентный смысл войны, выражение воли Творца;
- право войны как защита справедливости и высших ценностей;
- фиксация различий между собственными целями и целями врага;
- жестокость и отсутствие правды у противоборствующей стороны;
- долг солдата и воина.

В листовке «За что мы воюем?» (1914 г.), изданной Издательским Советом при Священном Синоде, немцам вменяется в вину поддержка унии, захват церковного имуще-

ства, закрытие церквей, арест православных священников в Галичине и Угорщине, сожжение церковных и русских книг. В тексте сообщается, что православных монахинь во время ледохода загнали в реку, продержав в холодной воде два часа. Именно в православной вере усматривает автор листовки (подписана «С.Т.») силу Руси и славянства: «Господь послал русскому народу славный крест мученичества за свободу и веру своих братьев. ...каждый день идут сотни тысяч современных мучеников, бестрепетно идут на раны и смерть, готовые положить душу свою за други своя» [3].

Печать листовок производилась не только в Российской империи, но и за рубежом. В частности, листовка «Русским солдатам» (1916 г.) протоиерея Павла Крахмалева была напечатана в Сербии. Интересна биография ее автора. П. Крахмалев участвовал в русско-японской войне в качестве священника броненосца. Участник Первой мировой с первого года войны, а с 1916 года священник 3-го особого пехотного полка Македонского фронта. С 1917 года являлся главным священником русских войск на Македонском фронте.

Цель Германии протоиерей видит в захвате чужой территории, порабощении славян и мировой гегемонии. Бог не благословляет такую войну, цель славян иная, нежели у немцев: «Мы вышли на войну за сохранение нашей веры, за жизнь нашей родины, ...за сохранение народных прав, народной свободы от иноземного ига, ...для защиты

угнетенных, для защиты справедливости, чтобы сразить общего врага всего человечества – немцев» [4]. Уничтожить сам тевтонский дух – вот задача воинов, творящих «великий суд Божий». Вынесение в военной пропаганде противника за пределы «человечества» – концепт, применявшийся со всех сторон не только в мировых войнах, но и во многих других вооруженных конфликтах (Множественно издавалась в 1915 году «Солдатская памятка о немецких зверствах» А. С. Резанова, также с названием «Немецкие зверства», в которой немецкие офицеры признаются лишенными нравственных понятий культурного человека. Военные преступления немецкой армии во время Великой Отечественной войны подтвердили обоснованность данной оценки для значительной части немецкого офицерского корпуса). В другой листовке 1916 года, названной «Письмо к русским воинам (смысл и цели настоящей войны)», протоиерей П. Крахмалев конкретизирует цели русской армии, чтобы солдат мог осознанно воспринимать свою миссию и понимать за что он сражается.

Первая цель – добиться устранения войск противника с собственной территории. Вторая – освобождение Галицкой Руси. Третья цель – открытие свободного прохода к Константинополю. Политические задачи переплетаются с религиозными мифами: «Невольню припоминается существующее предание, что турки, завоевав Константинополь (в 1453 году), ворвались в Храм Св. Софии в тот момент, когда свя-

щенник, совершавший божественную Литургию, вышел к народу с Св. Чашей. Турки бросились на него, но священник ушел в алтарь, там раскрылась пред ним алтарная стена и скрыла в себе... Когда в храм Св. Софии опять войдет христоролюбивое воинство, священник выйдет из алтаря со Св. Тайнами и окончит прерванную турками Литургию» [5].

Немецкая контрпропаганда пыталась посеять недоверие у армии России к деятельности власти. В листовке «Русские солдаты» вина за кровопролитие возлагается на Великого князя Николая Николаевича, который заставил Николая I «начать эту несчастную войну» [6]. Революционные листовки, рисующие империалистические намерения в войне со всех сторон, стали иметь особое влияние в 1916–1917 гг., когда усталость от военных испытаний, огромное количество жертв и смена власти в самой России мало что оставили от воодушевления 1914 года. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев в телеграмме Министру – председателю и Военному министру от 28 апреля передает сообщение Командующего 5-й армией о том, что 23 апреля с германской стороны прибыл с соблюдением международных формальностей в район 151 пятигорского полка парламентар в чине полковника и выразил желание быть препровожденным в штаб армии. На запрос, можно ли принять этого парламентаря, генерал Алексеев ответил категорическим отказом, после чего он был

возвращен в свое расположение. Однако, докладывает в телеграмме М. В. Алексеев, у солдат сложилось впечатление, что парламентар приходил с целью мирных переговоров, и в пятигорском полку началось сильное брожение. Якобы начальство не хочет мира и требует продолжения войны во что бы то ни стало, даже вопреки желанию немцев заключить с нами мир [7]. Генерал напоминает, что закон запрещает даже Верховному Главнокомандующему принимать переговоры, так как только Временное правительство может начать переговоры о мире.

Опыт Первой мировой войны сохраняет свое значение и для анализа современных военных конфликтов. М. Хайдеггер характеризовал мировые войны как миро-войны, они не могут привести к миру, это предварительная форма устранения различия между войной и миром. Сегодня акцент уже сместился от идеи «обороны» к идее обеспечения «безопасности». Но безопасность – это очень хрупкая цель, постоянно ускользающее и принципиально недостижимое состояние, стремление к которому делает вооруженные конфликты и войну постоянным, бесконечным способом функционирования власти. Суверен сейчас не является инстанцией, во имя которой развязываются войны, они ведутся во имя всех и, следовательно, решение о начале, либо прекращении конфликта подчиняется неприкрытым соображениям выживания. Война современная не является особым,

отличным от других политических инструментов состоянием, она становится неустранимой матрицей отношений господства. И достижение победы не означает абсолютного доминирования, последнее всегда будет порождать сопротивление. Теперь и повседневная жизнь (терроризм, проблемы миграции, этнические и религиозные столкновения, культурные и социальные различия) все больше напоминает жесточайшее, присущее войне. Война несовместима с демократией и свободой и, с одной стороны напоминает полицейскую операцию, с другой (благодаря появлению оружия массового поражения) – приобретает онтологический статус. Пример ведения войны США и Израиля против Ирана показывает желание полностью дисквалифицировать противника как равного в своем человеческом достоинстве, тотальная война лишится последних оснований культурной конструкции, связанной с понятием международного права, различающим комбатантов и не-комбатантов. В ситуации глобального кризиса возникает соблазн обрушить остатки правового регулирования международных отношений. Несмотря на эфемерность и недостаточную эффективность многих международных институтов, призывы к их немедленному демонтажу нельзя признать разумными. Отказ от дегуманизации противника в условиях современных войн означает потребность сохранить лучшие человеческие качества в собственном бытии.

Список литературы

1. Письма князя Дмитрия Александровича Хилкова к Н. В. Ковалеву // Богословский вестник. Том 2. №7–8. Сергиев Посад. 1916. С. 379-416.
2. Франк С. Л. О поисках смысла войны // Непрочитанное. Статьи, письма, воспоминания. М.: Московская школа политических исследований. 2001. С. 190-198.
3. Государственный архив Российской Федерации, Фонд 6281, опись 1, дело 163.
4. ГАРФ, Фонд 6281, опись 1, дело 157.
5. ГАРФ, Фонд 6281, опись 1, дело 157.
6. ГАРФ, Фонд 6281, опись 1, дело 158.
7. ГАРФ, Фонд 6281, опись 1, дело 71.

DOKUCHAEV Alexey V. – Candidate of Cultural Studies, Professor at the Department of Cultural Studies at the Moscow State Institute of Culture, Russia, Moscow, e-mail: alexey_vld@mail.ru

Keywords: World War I, leaflet, propaganda, philosophy of war, meaning of armed conflicts, humanism.

THE IMAGE OF WAR AND THE ENEMY IN THE FIRST WORLD WAR BLOGS: RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS AND MODERN PARALLELS

Abstract

The article analyzes the semantic justification of war in Russian religious-philosophical thought and propaganda materials of the First World War period. The source base of the study consists of philosophical and journalistic texts by S. N. Bulgakov and S. L. Frank, letters by D. A. Khilkov, and leaflets from the collections of the State Archive of the Russian Federation. The article shows that, in mass wartime propaganda, philosophical and religious interpretations of war were translated into a system of simpler mobilizing images: the defense of faith and the Fatherland, the fulfillment of military duty, opposition to injustice, and the exposure of the enemy's cruelty. Drawing on leaflets from 1911–1917, the article reveals the main ways in which the meaning of war and the image of the enemy were constructed, including appeals to Orthodox tradition, historical memory, the idea of Slavic solidarity, and the representation of war as a moral trial. Special attention is paid to the problem of enemy dehumanization as a stable element of wartime propaganda. The author concludes that the experience of the First World War remains relevant for the analysis of modern armed conflicts, since it makes it possible to identify the continuity of mechanisms used to legitimize war and to raise the question of the limits of political ethics, international legal regulation, and a humanistic attitude toward the enemy.

References

1. Letters of Prince Dmitry Alexandrovich Khilkov to N. V. Kovalev // Bogoslovsky Vestnik. Vol. 2. No. 7-8. Sergiev Posad. 1916. Pp. 379-416.
2. Frank S.L. On the Search for the Meaning of War // Unread. Articles, letters, memoirs. Moscow: Moscow School of Political Studies. 2001. Pp. 190-198.
3. State Archive of the Russian Federation, Fund 6281, inventory 1, case 163.
4. GARF, Fund 6281, Inventory 1, case 157.
5. GARF, Fund 6281, Inventory 1, case 157.
6. GARF, Fund 6281, inventory 1, case 158.
7. GARF, Fund 6281, Inventory 1, Case 71.

Статья поступила в редакцию 20.04.2026.

Принята к публикации 19.05.2026.